

НИКОЛАС МВАНИКИ
ЦЕЛОВАТЬ
БОГА
В ГУБЫ

РОМАН - ДРАМАТУРГИЯ В ПЯТИ КНИГАХ

КНИГА ВТОРАЯ

ЛИНА АНГЕЛ АНГЕЛИНА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Николас Мваники
Целовать Бога в губы. Книга
2. Алина Ангел Ангелина

<https://litres.ru/74198302>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что если современный информационный эксгибиционизм — от одержимости соцсетями до порно и вебкама — это высшая стадия гуманизма? Что если цифровой ад и диктатура алгоритмов — не падение цивилизации в бездну преисподней, а её отчаянный поиск Божественного Света? Последняя общая молитва?

Эти вопросы ставит роман «Целовать Бога в губы». Современные цивилизационные концепции, библейские, мифологические, мистические и ведические темы делают это произведение поистине интеллектуальным триллером-лабиринтом, написанным на стыке Нью-Йорка и Москвы. Захватывающий, кросс-жанровый манифест эпохи и настоящий литературный прорыв.

Читайте первый роман масштабной пенталогии метамодерна и меняйте реальность вместе с героями!

Содержание

Книга 2. Алина Ангел Ангелина.	5
Глава 8	7
Глава 9	16
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Николас Мваники
Целовать Бога в
губы. Книга 2. Алина
Ангел Ангелина

Роман-драматургия в пяти книгах

Книга 2. Алина Ангел Ангелина.

Первая книга романа запустила глобальный алхимический процесс, мягко погрузив молодого писателя-философа в пространство Нью-Йорка. Но существует ли этот город на самом деле? Возможно, после роковой встречи на борту авиалайнера с загадочным Гарри Арчаром герой приземляется в изменённой реальности — мире, который может оказаться лишь тотальной проекцией его собственного бессознательного.

Его новое пристанище — уютная квартира-студия на вилле. Его проводники в этом лабиринте смыслов — Екатерина и Ника. За земной, завораживающей грацией Ники уже угадывается спасительное сияние Шестикрылого Серафима. Но какая роль в этой мистерии отведена Екатерине?

Помогая писателю обустроиться, Ника делает первый шаг в этой психологической игре: она приглашает его спуститься в холл на следующий день к полудню. В этой книге их ждут прогулка, завтрак в кафе и начало великой «дилеммы заключённого в любви» — первый бережный акт обнажения духа.

В финале первой книги, оставшись один в своей студии, Николас принимает душ — смывая усталость и маски прошлой жизни — и погружается в хрупкий сон на границе осознанного и бессознательного. Это его личная перезагрузка. Пока писатель спит под чужим небом, его Тень сгущается,

обретает осязаемость и, словно в андерсеновской сказке, начинает незаметно подменять собой автора.

Вторая книга подхватывает повествование следующим утром. Впереди читателя ждут тонкий юмор и глубокая драма, прекрасные описания природы и неожиданные мистические повороты сюжета. Также автору предстоит соприкосновение с ослепительным миром высокой моды Нью-Йорка. А когда любовные переживания героев достигают пика, иллюзорное одиночество окончательно стирается и на авансцену психодрамы выходит Алина Ангел Ангелина.

Глава 8

Вот и первое моё утро, доброе утро в Нью-Йорке.

Проснулся сегодня рано — сказалась большая разница в часовых поясах. На родине время уже близится к обеду, а здесь ещё только начало рассвета, оглушающего своей чистотой и тишиной.

Ещё лёжа в постели, сделал зарядку по системе тибетских лам. «Лама дочь и лама мама». Далее встал, размялся уже гимнастикой Ци, выпил минеральной воды и отправился в душ. После душа мини-кофемашина выдала чашечку прекрасного эспresso с золотистой пенкой, пьянящим вкусом и пробуждающим к жизни ароматом. За кофе посмотрел на часы — а там натикало всего около шести утра.

Рано. Тишина. Наверное, в доме ещё все спят.

Решил сесть за старинный письменный стол, включил ноутбук, открыл черновики и начал заново сочинять вторую главу. Незаметно пролетело около четырёх часов. Страницы окончены, и я понимаю, что текст получился. И вообще, сейчас ясно вижу, что роман, что называется, пошёл. Есть предчувствие, что я напишу его, и притом в короткие сроки.

Но... Выплеснув из сердца все мысли, озарения и эмоции, я почувствовал некую ментальную усталость и пустоту.

Захотелось выйти из дома, чтобы наполниться новыми впечатлениями. Ходить-бродить по родным местам, чуть

улыбаться людям, встречать знакомых и спрашивать, как они поживают, или просто желать всем прохожим доброго дня. Но я в тысячах миль от родины, поэтому пока просто сижу в комнате и смотрю в окно.

Вдалеке, сквозь кроны деревьев и широкую воздушную гладь, видны здания центра Нью-Йорка — его небоскрёбы, над которыми в пронзительной синеве летают два небольших вертолёта и один лёгкий самолёт. В стороне от них, сиротливо и плавно, парит огромный воздушный шар. К нему прикреплено многометровое, бьющееся на ветру рекламное полотно с лаконичной надписью: «Your privacy. Just one click away» (Вся твоя приватность. Всего в один клик). Узнаю Нью-Йорк. Город, где продаётся абсолютно всё, даже то, что человек отчаянно пытается скрыть.

Я улыбнулся. Да что там — не сдержался и засмеялся. Что поделать, Нью-Йорк — это точно город контрастов. Только сейчас до конца осознал, что я уже там, где и должен быть, и сердце сладостно защемила радостная истома.

Я сижу за письменным столом и наслаждаюсь этим слегка глянцевым, открыточным видом на Манхэттен. Окрыл окно, выпускаю в комнату свежий воздух. Любуюсь и думаю.

Наверное, моё Время и сейчас, в эти самые мгновения, невидимо и незаметно, но упорно и без остановки, всё плетёт и плетёт из нитей моих желаний, помыслов и поступков кружева моей будущей жизни. И половина моего погребального фриволите-костюма уже пошита.

Я остро чувствую это по началу циклов возрастных кризисов. И сейчас есть на сердце грусть, но она высокая и сладостная. Что бы то ни было со мной, я уже в Нью-Йорке, а там — будь что будет.

У меня третий этаж большой виллы, которая по-царски, на первой линии, возвышается на самом берегу Гудзона. Перед домом — палисадник, забор, пешеходная дорожка, проезжая часть и большой красивый парк. За парком — крутой обрыв, внизу которого проходит трамвайная ветка, пирсы, береговая зона, а далее сама река. Ширина её примерно один километр. Возможно, и больше. А за водой — Манхэттен. Нью-Йорк Сити. Его центральная часть.

Чуть левее — район Адская кухня, а прямо передо мной, вдали за кварталами, угадываются 42-я стрит, Брайант-парк и Перекрёсток всех миров — Таймс-сквер. По правую руку, в самом дальнем мареве и дымке утра, в районе Нижнего Манхэттена проступает башня Всемирного торгового центра. И много чего величественного, городского, атмосферного и мной любимого есть на том берегу. То, к чему я так стремился. И теперь оно всё рядом, здесь, напротив меня. Рукой подать. Скоро я обязательно побываю в своих самых любимых местах этого легендарного Города.

А с высокого берега, да ещё с третьего этажа, и в такую солнечную погоду, как сегодня, вся эта картинка просто завораживает. Поговаривают, что красивые виды из окна квартиры или дома, где мы живём, продлевают наш дольний путь

минимум на пять лет. И если это так, то этот пейзаж точно лет пятнадцать прибавит к моей биографии.

Оторвите-ка рукав да пару карманов от моего наполовину пошитого похоронного костюмчика! Я знатно приумножаю свой земной путь тем, что просто смотрю в окно.

А за ним уже чувствуется жизненное бурление-кипение нового дня.

Солнечно, а на моём сердце вдруг сделалось пасмурно и немного тоскливо. Я чувствую узлы в своём сознании, некую запутанность и неопределённость будущего, что вызывает тревожную озабоченность и даже небольшую подавленность восприятия реальности.

Наверное, я чуть-чуть растерян. Я в Нью-Йорке, мечта сбылась, цель достигнута. Но чего желать дальше — увы, не знаю. Писать роман? Это уж точно не смысл моего брэнного существования. Серьёзной программы собственного бытия у меня на сегодня нет.

Но без глобальных желаний и манифестов — как жить и к чему стремиться? Человек устроен так, что без них теряются смыслы личного пути. Тогда приходится жить чужой судьбой. Но однозначно лучше проживать только свою, собственную, хоть это далеко не всегда и не у всех получается.

Есть мнение, что мы как чистая душа действуем в материальном мире исключительно через призму своих желаний. Ради их воплощения Всевышний и разворачивает грандиозную многомерную реальность, облачая наше вечное духов-

ное «Я» в несколько слоёв чужеродных одежд. Сначала ткутся тонкие тела — сложный механизм из ложного эго, разума, ума и чувств, который формирует наши привязанности и неприязни, а также поступки, продиктованные ими. И лишь затем эта ментальная конструкция заземляется в грубую материальную оболочку — физическое тело.

И если исходить из этого знания, то получается, что цель человеческой жизни — это вспомнить или осознать свою духовную природу и на основе этого знания правильно реализовать себя в этом материальном физическом мире.

Вроде как получается, это и есть основа построения нами счастливой, успешной и гармоничной жизни.

Но это всё теория... А на практике...

Если есть желания, значит, обязательно найдутся волшебники и волшебницы, готовые их исполнить, — всевозможные мудрецы нашего времени вроде недопсихологов, ново-явленных менторов и гуру бесчисленных марафонов, которые, искусно манипулируя нашим сознанием и вводя нас во искушения и лукавство, раз за разом вдохновляют нас на реализацию модных и новодельных интерпретаций осмысления своего жизненного предназначения, твердя о том, что каждому человеку необходим список его желаний, чтобы знал человецище, чего реально хочет его глубинное «Я», понимал, к чему его понуждает судьба, делал правильный выбор в своей жизни, а также настойчиво добивался поставленных целей и задач согласно своему жизненному планирова-

нию.

Нам авторитетно сулят полный пакет all inclusive: абсолютный психологический комфорт, беспроегрышные стратегии личной эффективности и гарантированное воплощение любого каприза. По этой нехитрой логике достаточно лишь правильно расписать свои «хотелки» — и мы обречены стать самореализованными, успешными, а бонусом — ещё и счастливыми хозяевами этой жизни.

Но я не особо доверяю всем этим глянцевым наставлениям. Внутри живёт стойкое ощущение: мы в принципе не способны до конца осознать ни себя, ни мир, в котором очутились. Нами и всем мирозданием управляют настолько виртуозно, тонко, мудро и непостижимо, что по-настоящему ценные знания всегда остаются за пределами нашего ограниченного восприятия.

Да и сами эти крутые гуру современной психологии порой ведут себя как малые дети. Некоторые на полном серьёзе просят подопечных составить реестр из ста своих мелких желаний, читай — капризов. И человек начинает носиться с этим перечнем как с писаной торбой. Он идёт по жизни, распахивая ближних локтями, по-тихому попинывая впереди идущих и поплёвывая через плечо на отстающих. Задрав голову, не оглядываясь, он прёт к заветным ориентирам. Его личное счастье, по их авторитетному мнению, заключается исключительно в удовлетворении собственных амбиций. А амбиции, как мы знаем, — это уже диагноз. Они словно вы-

писывают нам гарантию на вечное пребывание в этом мире, обещая бесконечный триумф нашего материального «Я».

Да и вот незадача: рано или поздно земной путь обрывается. Конец, как правило, приходит внезапно. И тут всё заворачивается почти по Гоголю. Где-то в тёмных, холодных, запутанных переулочках судьбы к нам непременно подойдут чёрные людишки и бесцеремонно снимут с плеч драгоценную шинельку — бесценное для нас тело.

И что нам делать тогда? Продолжать не сдаваться? Ну как же, вот он списочек то, и он не исполнен до конца! И что, теперь с безумным, завидным упрямством носиться с этими пунктиками дальше? Чинить беспокойства окружающим, но уже в бесплотном статусе призраков и привидений? Так и застрянешь между мирами без пристанища, пока тебя окончательно не упокоят какие-нибудь местные экзорцисты-активисты.

Думаю, сегодня вечером я обязательно почитаю Николая Васильевича. В голове у меня сейчас полнейший гоголь-моголь, шинель и задира Полишинель. Гоголь ты Гоголь, вечный ревизор наших заблудших душ! Обожаю перечитывать эти страницы.

Я грустно улыбнулся. А списочек-то всё-таки надо накалякать. Так, на всякий случай. И первым пунктом попросить у судьбы: задай мне новые координаты и векторы существования. Подскажи, о чём терзаться, к чему стремиться, над чем в сердце работать и о чём вопрошать. Вот, к примеру,

брюнетка Ника мне очень понравилась. И блондинка Катя тоже невероятно приглянулась. Хорошо бы одна из них стала проводником животворящих энергий в мою безвременно угасающую личную жизнь. И в шутку приписал в скобочках, самым мелким почерком: «А можно, чтобы обе сразу стали моими близкими подругами?».

Да, наши женщины. А может быть так, что именно они и дают мужчинам все главные смыслы, выступая в роли наших главных жизненных фасилитаторов? Мы, наивные, думаем, будто живём свою собственную жизнь, а на самом деле — полностью растворяемся в судьбах тех, кого любим. И, если подумать, расклад этот очень даже неплох. Или всё-таки нет? Пока ответ для меня не очевиден. Надо будет с этим как-то разобраться, но это уже потом.

А сейчас... Мне просто нужен проводник. Настоящий. Мне стал необходим сталкер.

Что ж, пункт первый моих пожеланий на исполнение официально готов. Я глубоко вздохнул и выдохнул. Оказалось, разобраться с тем, чего ты на самом деле хочешь, — задача не из лёгких. Но список действительно помогает расставить приоритеты, пусть пока я и осилил всего один-единственный пункт. Мне даже стало немного неловко: только что ругал коучей и психологов, а сам взял и пошёл по их стопам, зафиксировав свою фантазию на бумаге.

Я мотнул головой, отгоняя лишние думы, и снова повернулся к экрану, готовый поймать вторую за это утро волну

творческого вдохновения.

И ровно в тот момент, когда мои пальцы зависли над клавиатурой, в дверь постучали.

Глава 9

Раздался стук в дверь. Я вздрогнул. Муза, кокетливо помахав ручкой, тут же испарилась.

Из-за двери донёлся весёлый голос:

— Молодой человек, вас внизу ожидает прекрасная де-вушка, а вы всё не идёте к ней на свидание!

— Ника, ты?

— Да, я!

— Заходи, дорогая!

Ника переступила порог и с ходу воскликнула:

— О, да ты уже работаешь!

— А ты всегда так? Застынешь в дверном проёме — ни войти, ни выйти, — и прямо оттуда начинаешь вести беседы!

— А ты, смотрю, как заправский янки, на вопрос отвеча-ешь вопросом!

Какая же она... Красивая. Дерзкая. Искренне и так уве-ренно говорит невпопад, но от этого нравится мне ещё боль-ше. Точно. Она — мой проводник.

Мы улыбнулись. Между нами словно проскочила искра, и всё это — за одно мгновение. Может быть, это произошло ещё вчера, при нашей первой встрече. Но понимать мы нача-ли только сейчас, когда оказались лицом к лицу. Поняли, но ещё не приняли. Ещё только начали осознавать: возможно, в каких-то далёких прошлых жизнях мы искали друг друга

и не находили.

А может, всё наоборот — нами совместно пройдены десятки дорог, и теперь мы лишь заново приглядываемся, пытаясь что-то вспомнить и кого-то узнать. Да. Всё в этом мире синдромно. Дежавю.

Думаю, что влюбляться с первого взгляда и неотвратимо могут только те люди, которые имеют глубокие кармические корни из прошлых воплощений. Там, когда-то, они встречались, общались, имели яркие и, возможно, не всегда добрые отношения. И тогда, в далёком и навсегда забытом прошлом, накопив воз и маленькую тележку неразрешённых споров, конфликтов и взаимных претензий — и в то же время оставаясь в подсознании обусловленными непреодолимым влечением, почти в высшей форме этой привязанности, проявленной как неприязнь, — эти люди встречаются сейчас. И пока не понимают, что несут друг другу: счастье или страдание.

И им бы сломя голову разбежаться по разным сторонам света, но куда там! У них же — притяжение, гравитация. Они захватили друг друга, как два сверхмассивных космических объекта, как две галактики, которые неотвратимо сближаются.

И вот он, ресторан жизненных событий, открыт как космос: столы в белых скатертях, а влюблённые, любовники, супруги — как два прекрасных, вежливых и вышколенных официанта. Но они же и посетители нашего бистро. И как

на телевизионном турнире, они попеременно меняются ролями: кто официант, а кто посетитель, и наоборот. И выдаёт им кухня судьбы то, чего они вовсе не заказывали.

И вот эти люди, искренне или не очень, кормят друг друга, потчуют, неотвратимо принося на подносах блюда в виде обид, разочарований, взаимных упрёков, разбитых сердец и прожитых понапрасну жизней. Это происходит каждый раз, когда один решает открыться и принести на подносе свою уязвимость, а второй в страхе закрывается, выбирая глухую защиту и тайный эгоизм. И какая удача — в конце платить не нужно. Всё уже наперёд оплачено. Даже на следующую жизнь немного останется. Кушайте с удовольствием и приходите к нам ещё!

Но в этот же счёт, как щедрый аванс, им вписана любовь — их главный шанс пройти самую сложную проверку. Рискнуть и довериться в одно и то же мгновение, без гарантий и страховки. Навсегда изжить в себе эту древнюю, тёмную потребность в насилии, перешагнуть через вековой инстинкт самосохранения любой ценой и навсегда прийти к святости ахимсы — чистому, абсолютному ненасилию над кем-либо или чем-либо в этом мире. Закрыть затянувшийся вечные споры - кто причинил боль первым, и просто перестать умножать страдания на этом утомительном круге сансары.

На смену желанию побеждать, подчинять и контролировать приходит совсем другое: тихое милосердие, бережная чуткость и готовность просто служить — человеку, этому

миру и Тому, Кто всё это замыслил. Стоит обоим одновременно сделать этот чистый шаг навстречу друг другу — и родится счастье такой силы, что им можно будет согреть всю Вселенную. И она откликнется: станет ко всем нам добрее и милосерднее.

Вот и мы с Никой смотрим сейчас друг на друга с нежностью и надеждой. Смотрим и пока не понимаем, какую стратегию выберет каждый из нас в этой невидимой игре. Насколько сладостно будет наше счастье-несчастье и как горько обернётся наше же несчастье-счастье.

Что это — просто случайные мысли или этим спонтанным монологом я уже прощупывал новые повороты сюжета? Я сейчас как стендап-комик, который обкатывает сырую репризу на случайном зрителе, пока в темноте зала притаился автор и жадно ловит реакцию публики. Потом этот текст будет не раз переписан, отрепетирован до автоматизма, и через год на экранах появится мудрый, гомерически смешной номер. Артист получит овации и кассовый хит, а я при таком подходе — хороший роман.

Я говорил с Никой, но память на мгновение безжалостно унесла меня назад, в далёкие, навсегда оставленные края. Ещё недавно я крутился за кулисами шоу-бизнеса, работая со звёздами первой величины — в мире, где я незаметно для самого себя и научился профессионально играть свою жизнь, вместо того чтобы просто искренне её проживать.

И как-то судьба свела меня с удивительным человеком

— всенародно любимым, тонким и невероятно талантливым артистом сатиры. Мы стали близки как братья. Больше четырёх сотен городов, бесконечная лента дорог: годами я возил его на гастроли, совмещая роли импресарио, водителя, повара и костюмера.

Иногда туры затягивались на полгода. В этом вечном цикле аэропортов, вокзалов и одинаковых гостиниц сквозила глухая безысходность. Чтобы хоть как-то расцветить наши будни, друг начал буквально силой вытаскивать меня на сцену в середине своего шоу. Мои импровизации заходили на ура. Зал взрывался смехом а аплодисментами, и постепенно в его программе прижилось несколько моих сольных номеров.

— Давай сделаем из тебя профессионального артиста разговорного жанра! — загорелся он однажды.

Но я покачал головой. Не моё это, братцы, не моё. Его сольные концерты продолжались около трёх часов, и когда ты программу уже знаешь наизусть, смотришь и слушаешь её в сотый раз, понятно, что заскучаешь. Вот я и начал прямо там, почти за кулисами, от нечего делать пописывать — как правило, сюжеты из нашей же творческой жизни. Эти первые пробы пера неожиданно выстрелили: я стал публиковаться и вскоре как-то незаметно для самого себя превратился в известного молодого писателя и драматурга.

На этой почве мы и разошлись. Глупо, нелепо, но вот уже несколько лет — ни звонка, ни слова. Такова изнанка арти-

стического братства. Правда, недавно, в мой день рождения, телефон вдруг ожил. Его голос в трубке звучал непривычно тихо. Он поздравлял меня, словно наводя невидимые мосты. Может, со временем всё и наладится. Но прежняя — слепая, безусловная — мужская дружба уже не вернётся. Никогда.

Или всё-таки может?..

Я моргнул, возвращаясь в нью-йоркское утро, и снова посмотрел на Нику. Я всё это время рассказывал и рассказывал ей о своей прошлой жизни, о предательстве, о дружбе и ускользающей любви. А Ника просто слушала. Она уже давно уютно устроилась в плетёном кресле, согревая ладони о чашку с кофе.

— Мне нравится сама мысль, что кто-то может вот так за-просто взять и быть писателем, — вздохнула она почти по-лушёпотом. В этом вздохе я отчётливо расслышал её сокровенную, бережно спрятанную мечту.

— А я вот думаю, что ты и сама могла бы писать книги, — заметил я.

Я встал вполоборота, почти спиной к ней, чтобы ловить её реакции лишь боковым зрением, не позволяя считывать мои собственные ходы. Моя игра уже началась — тонкая, немилосердная, но невероятно красивая манипуляция возвышенными чувствами.

Эх, старина Эрик Бёрн со своим трансактным анализом... Явись ты сюда сейчас, не оставил бы от моих тактических уловок камня на камне. Но пока моё время — эти камни раз-

брасывать. Настоящая веселуха начнётся позже, когда придётся собирать их и укладывать в суму своей будущей кармы.

— Вот я задумал стать писателем, — продолжил я, глядя в окно. — А что в этом хорошего? Жизнь литератора — не мёд. По определению, мы должны быть немножечко ебанько. Чудаковатые, сдвинутые по фазе, с каким-то сомнительным даром прорицания. Мы ведь напрочь оторваны от реальности. Настоящий творец должен быть материально ничем, слегка юродивым — только тогда в нём открывается этот энергоканал к высшим сферам реальности. Через свои тексты мы пытаемся расслышать божественный шёпот, выступая лишь безвольными трансляторами. Писатель обязан страдать, метаться и ничего не понимать в собственной жизни, выдавая миру возвышенные истины. А если мы сыты, зажиточны и упакованы в комфорт — то есть, как модно говорить, «успешны», — то достучаться до небес уже не выходит. Того и гляди, как писал Чехов, «хрюкнешь под одеялом от сытости».

— Хрю! — вполне натурально выдал я лицом к окну.

— Что? — удивлённо переспросила Ника.

— Я к тому, — обернулся я к ней, — что в современном обществе у людей больше нет стоящих терзаний. Никаких глубоких дум или яростных споров о своём предназначении. Возможно, именно поэтому перевелись настоящие авторы. Сейчас ведь писать может любой: состряпал текст, залил в интернет — вот тебе и публикация.

— Но как же? — Ника вопросительно вскинула брови, в ней проснулся азарт. — А если ты плохой писатель?

— Говнописатель, который строчит говнороманы? — Я улыбнулся, отчётливо понимая, что в эту самую секунду безбожно рефлексирую на самого себя.

— Ну да! — Ника ответила улыбкой, но улыбнулись только её глаза. На мгновение мне показалось, будто она прекрасно поняла, кого именно я сейчас имел в виду.

— Так я же говорю о тех, кто просто хочет выговориться. Поделиться с читателем мыслями, нащупать общие боли. А если человек с порога заявляет, что метит во вторые Достоевские — это не творчество, а диагноз. Зачем миру копия, когда есть оригинал?

— И что ещё ты видишь своим проницательным писательским взглядом? — Она подалась вперёд, и её чашка с кофе тихо звякнула о блюдец.

— Ну... Например, я вижу, что прямо сейчас разговариваю с одной из самых красивых девушек на этой планете. А возможно — и с самой красивой.

— Что ж, в этом пункте я с тобой полностью согласна, — ничуть не смутившись, парировала Ника. — Ну так что, мой скромный непризнанный автор? Мы идём гулять? Ты готов выйти в свет под руку с самой красивой девушкой на Земле?

Шарики закрутились в рулетке судьбы, колесо сделало финальный оборот. Ставки сделаны, ставок больше нет. Мне казалось, что на моем поле выпало «зеро» и я сорвал су-

масшедший, фантастический джекпот. Ника легко приняла правила моей игры. Щелчок — и мы мягко перешагнули ту невидимую черту, за которой начинается... неизбежное.

Я был уверен, что взял этот банк. Но сорвал ли я куш на самом деле или просто глубоко, по самые жабры, заглотил искусно замаскированный крючок? Наше неумолимое Время, продолжая плести свои кружева, наверняка лишь тихонько посмеивается. Оно-то уже знает, чья карта в итоге окажется битой. Но пока — пусть каждый из нас делает свои ставки.

Мы вышли из комнаты и начали спускаться по лестнице. Я шёл следом, разглядывая её со спины, и думал: «Эх, Ника, Ника, до чего же ты хороша».

Кожа у неё была матовой, фарфорово-белой, с едва заметным румянцем на щеках. Густые смоляные волосы перетягивала тяжёлая коса, спускавшаяся ниже талии. Идеально очерченные соболиные брови и бездонные миндалевидные глаза — такие бывают разве что у героинь аниме. Я поймал себя на мысли, что обязательно сфотографирую её и отправлю снимок друзьям: девушек с таким пронзительным взглядом я прежде не встречал. Ника была невысокой, ладной, с точёным силуэтом и роскошной грудью. Навскидку — уверенный пятый размер.

— У тебя потрясающая грудь, — сорвалось у меня с языка раньше, чем включился контроль. — Своя или пластика?

— Своя, — Ника обернулась на ступеньках и лукаво при-

щурилась. — А ты с какой целью интересуешься, автор?

— Я что... спросил это вслух?

Она звонко рассмеялась:

— Да ладно, расслабься, я привыкла. Все мужчины только туда и пялятся, а потом задают этот вопрос. Она у меня со старших классов растёт, и, честно говоря, хлопот от неё больше, чем радости. В жару тяжело, бельё приличное не найти, да и вообще куча нюансов. Мне порой кажется, что парни лезут ко мне знакомиться исключительно ради этих прекрасных округлостей, — она шутливо очертила руками в воздухе силуэт. — Ты ведь тоже на них запал?

— Грешен. С первой секунды. Можешь смело вносить меня в список главных фанатов твоих очевидных достоинств. Ника, аккуратнее, не споткнись, тут темно.

— Да знаю я, год уже здесь живу!

И, словно назло собственным словам, она тут же оступилась. Я еле успел перехватить, поддержать её у самой ступени, и прижал к себе. На секунду мы замерли.

Какая же она была близкая и тёплая. От её волос и кожи веяло одуряющим, чистым ароматом юности, в котором терпко замешались нотки ванили и пачули. Эта волна концентрированной чувственности ударила в голову так, что в висках настойчиво забился пульс.

Ника находилась в зоне абсолютной уязвимости.

— Безумно хочу тебя поцеловать, — негромко сказал я, глядя ей в глаза, — но понимаю, что на первом свидании это

против правил.

Я медленно разжал руки, возвращая ей опору.

— Ну что, пошли покорять Нью-Йорк?

— Пошли, — ответила она, и в её голосе промелькнула едва заметная тень разочарования.

Кажется, она была совсем не против, и я только что знатно накосячил своей джентльменской нерешительностью.

— Только... это ведь не совсем Нью-Йорк, — вдруг смутилась Ника, увязая в географических тонкостях. — Ну, то есть, конечно, это Большой Нью-Йорк, но фактически — штат Нью-Джерси. Совсем не то, что обычно имеют в виду, когда пафосно заявляют: «Поехали покорять Манхэттен». Думаю, эти слова тут не совсем уместны.

Она окончательно запуталась, и я поспешил прийти к ней на выручку:

— Да, покорять, — улыбнулся я. — Это не то чтобы покорять — это просто... покорять...

Мы виновато улыбнулись друг другу, немного смутились и продолжили спуск на первый этаж этого странно пустого, замершего коттеджа. Вышли во двор, шагнули на улицу, и тут я снова споткнулся — ровно на том же месте, что и вчера вечером, когда только приехал.

Из земли прямо посреди тропинки нагло торчал обломок старого красного кирпича. И ведь никто его не выкопает, не уберёт. Сразу видно: в доме катастрофически не хватает мужской энергии. Да что там в доме... Похоже, её во всём

этом мегаполисе дефицит. Настоящей, плотной мужской силы. А может, это системный сбой и настоящие мужчины теперь в дефиците по всему миру? Я невольно задался вопросом: а сам-то я настоящий? Или просто научился виртуозно отыгрывать брутальность?

«Вот вернёмся с прогулки, — пообещал я себе, — обязательно найду лопату, выверну этот упрямый кирпич с корнем и разом стану ну очень настоящим мужчиной».

Я усмехнулся, но мысль пошла глубже. Ведь точно такие же осколки — остатки, останки прошлых, нереализованных амбиций — намертво застряли в моём собственном сердце. И я с завидным упрямством спотыкаюсь о них всякий раз, когда иду дорогами жизни. Стоит только расслабиться, стать: — гордым, беспечным, наглым, хрю-сытым, — как Время, тут же, через обломок прошлого, поставит подножку. И раны старые растревожишь, и нос о землю разобьёшь...

Да, моё Время, всегда мне всё покажет. Время выставит справедливый счёт. Главное — чтобы к моменту расплаты мне было бы чем платить.

У моей близкой подруги, топ-модели из мира высокой моды, умницы и красавицы Ирочки Ирмоленко, в социальных сетях годами висит один и тот же статус: «Время всё расставит на свои места, и каждый окажется там, где должен быть!».

Эх, Ира, Ира... У тебя в жизни точно всё там, где надо. Миллионные контракты, крутые поклонники у ног, а сама

ты сияешь, словно солнце — на обложках глянца и мировых подиумах.

Я смотрел на идущую рядом Нику, но почему-то вспомнил об Ире. Да нет, кого я обманываю — я никогда о ней не забывал. Со стороны интересовался её успехами, личной жизнью. Мы общаемся крайне редко, хотя до сих пор считаемся друзьями. Наверное, я просто до сих пор жалею, что тогда, в прошлой жизни, у нас не сложилось ничего большего. А ведь мы стояли буквально в одном шаге от совместного счастья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.